

зить православное понимание смысла жизни. Однако надо помнить о том, что вся полнота этого вопроса и его решения для каждого православного человека заключена в Священном Писании.

1. Смысл жизни: Антология. М., 1994.
2. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994; Осипов А. И. Православное понимание смысла жизни. Киев, 2001; Митрополит Иоанн (Снычев). Посох духовный. СПб., 2002.
3. Франк С. Л. Смысл жизни // Смысл жизни: Антология. М., 1994.
4. Архипов В. Поиск смысла жизни с христианской точки зрения // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни: Материалы III–V симп. / Психол. ин-т Рос. акад. образования. М., 2001.

Г. А. Морозова
г. Лесной

НАУКА И РЕЛИГИЯ: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ЦЕЛИ. ЖИВОЕ ЗНАНИЕ И ЗРЯЧАЯ ВЕРА

Наука и религия — два пути познания объективной реальности, и, поднимая вопрос об их взаимодействии, невозможно обойти вниманием апологетический трактат *«Наука и религия»* святителя Луки (Войно-Ясенецкого), выдающегося ученого, лауреата Сталинской премии и — *архипастыря* Русской православной церкви, сумевшего в годы репрессий, невзирая на пытки и мучения в тюрьмах, ссылки и лагеря, а также атеистическую идеологию советского времени, создать концептуальный труд соотношения науки и религии (1954 г.), ставший «краеугольным камнем» объединения позиций по существу современной науки и богословской мысли.

Изучив результаты исследований физиков Томпсона, Эйнштейна, Лоджа и Гери, труды философов Канта, Бергсона, Лосского и Соловьева, биологов Дарвина, Геккеля и Гиса, химиков Бойля, Менделеева и Пастера, а также осмыслив открытия в естествознании и медицине, святитель Лука делает смелый и глубочайший вывод: «...самые качества упорного исследования — самоотверженный труд, вера в конечный результат, смирение — являются более всего продуктами религии. *Наука без религии — небо без солнца.* А наука, облеченная светом религии, — это вдохновенная мысль, пропизывающая ярким светом тьму этого мира. *«Я свет миру. Кто последует за Мной, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни»*, — так говорит Христос».

Ценность труда святителя Луки (Войно-Ясенецкого) в том, что он, прежде всего, дает точные определения науки и религии: «На-

ука — есть система достигнутых знаний о наблюдаемых нами явлениях действительности. Вспикнем в каждое из этих слов. Наука — это система, то есть не случайный набор знаний, но строгое, упорядоченное сочетание. Оно достигается классификацией, то есть распределением однородных данных по группам и обобщениям, установлением тех общих формул и законов, которым подчиняется природа. Научная деятельность движется, она есть процесс «созидания истины путем опыта и умозрения». Этот процесс в науке есть нечто динамическое, становящееся: оно приходит через вопросы, искания, сомнения, предположения, которые потом могут оказаться ложными. И только знания, то есть подлинное отражение действительности, — составляют установленное, статическое содержание науки; знания, то есть доказанные, общеобязательные, общепризнанные, объективные суждения, оправданные и логически, и эмпирически, и умозрением, и опытом. Это — знания о явлениях, то есть проявлениях жизни, природы, но не о ее *сущности* (феноменах, а не ноуменах), о мире, как мы его видим. созерцаем, но не о мире, как он есть сам по себе, по существу».

Святитель Лука подчеркивает, что научное познание, невзирая на новейшие технические достижения XX века, так или иначе ограничено, а человек хочет и должен знать то, что лежит за пределами науки.

«*Знание больше, чем наука.* Оно достигается и теми высшими способностями духа, которыми не располагает наука. Это прежде всего — интуиция, то есть непосредственное чутье истины, которое угадывает, прозревает ее, пророчески предвидит там, куда не достигает научный способ познания. Эта интуиция все более (в последнее время) занимает внимание философии. Она — то и ведет нас в другую, высшую область духа, — то есть в *религию*».

Говоря о религии, которая в широком смысле, есть отношение к Абсолютному, к Тому, Кого мы называем Богом, автор трактата делает уточнение: «Религия может быть и правильной, и неправильной, истинной и ложной, нравственной и не нравственной, — в зависимости от того, что мы разумеем под абсолютной, высшей и последней ценностью мира и как к ней относимся — во что веруем и как веруем, что принимаем, и что отвергаем».

Подобный вывод чрезвычайно актуален в наши дни, когда в процессе глобализации делаются попытки унификации религии и создания Объединенной или Универсальной церкви, направленные на профанацию религиозного знания с целью подрыва влияния на мировое сообщество традиционных религий, особенно христианства.

По мнению святителя Луки, говоря по существу: «...религия — есть общение с Богом (*воссоединение*). Религия, как переживание, очень сложна. Это непосредственное и специфическое переживание, дающее общение с Богом, — есть молитва. Конечно, молитва, как мистическое устремление, не может становиться рядом с наукой для какого бы то ни было сравнения. Между религией в этом смысле и наукой может быть столько же противоречий, сколько их между математикой и музыкой или между математикой и любовью. Сравнивать же мы можем понятия и явления, лишь беря их в одной плоскости, в свете *одного критерия*».

Рассуждая о мнении, бытующем среди интеллигенции, что наука противоречит религии, известный ученый и проповедник поясняет: «Его причина — в поверхностном знании, как в области науки, так и в области религии, и этим подтверждается мысль:

Знание приводит к Богу,

Полузнание отдаляет от него.

Полузнание — бич нашего времени: оно-то и создает названное только что предубеждение».

Ссылаясь на философию, особенно на теорию познания — гносеологию, святитель Лука напоминает о положениях Канта, о том, что «теоретический разум одинаково бессилен и доказать, и опровергнуть бытие Бога, бессмертие души и свободу воли. Эти объекты и вопросы потому называются трансцендентными (выходящими за пределы науки). Мы можем познать разумом лишь внешний факт, а не вещь в себе. Весь мир, поскольку он связан с пространством и временем, объективно непознаваем, потому что время и пространство суть лишь объективные формы нашего сознания, которые мы приписываем миру. Вообще, мы не видим предметы, как они есть, а усматриваем их, согласно личному углу зрения, из которого наблюдаем. Тем более мы не можем постигнуть своими научно-познавательными способностями то, что за вещами, то есть их сущности, а еще более — *Первосущность*, то есть Бога. Уже потому наука не может отвергать бытие Бога, ибо эта тема лежит вне ее компетенции, как и вся область сущностей».

В трактате «Наука и религия» прослеживается мудрая мысль о том, что если брать религию по существу, то стремление постигнуть тайны бытия и обладать этими тайнами неизбежно приводит к религии, а наука ставит те же вопросы, на которые отвечает религия. «Она (наука. — Г. М.) по закону причинности приводит нас к Первопричине не только мира, но и человека. Наука открывает вечный Логос бытия, обуславливающий эту гармонию. Наука приводит к необходимости какого-то разумного смысла жизни,

какого-то высшего назначения жизни. Религия отвечает — это Бог. Выявление Божественного начала во мне и во всем мире так, чтобы Любовь, мудрость, красота охватили весь простор бытия, и Бог был во всем — и составляет разумную цель мира». *«И приходит в мир тот, кто говорит, Я есть Истина* (Ин. 14: 16) (то есть, что подлинно и вечно, что составляет чистую основу бытия, его истину, то, что воистину есть). Короче говоря, научное мышление доказывает, что должен быть Бог, а религия — Его открывает и сообщает о Нем».

Анализируя области науки, в той или иной форме дающие обоснование социальной гармонизации бытия (этика, социология, психология и другие социальные науки) святитель Лука доказывает соотнесенность научного знания, требующего особенного отношения к морали, чувствам патриотизма, жертвенности, — к религии и вопросам веры, «ибо плоха та нравственность, к которой мы относимся не религиозно (само собой разумеется, что и религия, которая не нравственна, не есть религия). Только религия дает нравственным нормам нормальную, абсолютную санкцию, и только тогда они (нравственные нормы) являются не относительными, но абсолютными заповедями Бога».

Религия не только не противоречит науке, она двигает ее, пробуждая и поощряя дух исследования, позволяя в религиозном опыте вступить в контакт с вечным Разумом, Голосом мира. *«Кто любит Бога, тому дано знание от Него»* (1 Кор. 8: 3). Истинное знание — боговдохновенно, и наука, способная воспринять свет религии, — становится сама светопосной.

Автор трактата прозорливо отмечает, «что часть великих открытий и изобретений принадлежит тем, кто были и великими учеными и великими христианами: Г. Галилей (1564–1642) — физик и астроном писал: «Священное Писание не может ни в каком случае ни говорить зла, ни ошибаться, — изречения его абсолютно и непереложно истинны». Химик Р. Бойль (1626–1691): «Сопоставленные с Библией все человеческие книги, даже самые лучшие, являются только планетами, заимствующими весь свой свет и сияние от Солнца». Химик и физиолог Л. Пастер (1822–1895): «Так как я мыслил и изучал, то потому и остался верующим, подобно бретонцу». Философ и математик И. Ньютон (1643–1797) высказал свое положительное верование в чудеса и пророчества в своем толковании на книгу пророка Даниила и Апокалипсис.

Работы гениального врача-гуманиста профессора Н. И. Пирогова и в области медицины, и в области педагогики до сих пор считаются классическими. Но отношение Пирогова к религии ста-

рательно скрывается современными писателями и учеными: «Мне пужен был отвлеченный, недостижимо высокий идеал веры. И принявшись за Евангелие, которого я никогда не читывал, а мне уже было 36 лет от роду, я нашел для себя этот идеал».

А. Эйнштейн (1879–1955), крупнейший ученый-физик, открывший теорию относительности, писал: «Моя религия состоит в чувстве скромного восхищения перед безграничной разумностью, проявляющей себя в мельчайших деталях той картины мира, которую мы способны лишь частично охватить и познать нашим умом. Эта глубокая эмоциональная уверенность в высшей логической устроенности Вселенной и есть моя вера в Бога». Знаменитый астроном И. Кеплер заключает свой труд по астрономии молитвой, в которой он благодарит Бога, открывшего ему величие природы.

Фактов, доказывающих религиозность великих мыслителей и ученых, такое множество, что об этом можно написать отдельную книгу. Святитель Лука иллюстрирует в трактате лишь наиболее яркие, известные примеры, с единственной целью — дать объективную картину непостижимой обычным умом природы человеческого творчества, в том числе и научного, ибо наука, в высшем смысле ее общественной значимости, — это *служение*, это — *победа света над тьмой*, это — *внутреннее восхождение под влиянием Благодати Божией*. Это — уподобление Творцу участников актов научного духотворчества. «Веруя, что основной идеал учения Христа, по своей недостижимости, останется вечным и вечно будет влиять на души, ищущие мира через внутреннюю связь с Божеством, мы ни на минуту не можем сомневаться и в том, что этому учению суждено быть неугасимым маяком на извилистом пути нашего прогресса».

Таким образом, в 50-х годах прошлого столетия ученый и архипастырь Лука (Войно-Ясенецкий) в своем фундаментальном труде делает исторически зоркий и емкий вывод: «...речь идет не об умственной проблеме согласования науки с религией, а о жизни и смерти. Одно знание может сделать нас только книжниками и теоретиками, гамлетами, которые только рассуждают, но не могут творить. Одна вера, не знающая во что верит, не имеющая своим предметом бездонный и светлый образ Бога, явленный во Христе, — слепая вера. Нам пужно *живое знание и зрячая вера*, и только их синтез и неразрывная связь откроют возможность творческой жизни, ибо творят жизнь мудрые, окрыленные верой».

В конце XX — начале XXI века, после разрушения коммунистической идеологии, начались мучительные поиски новой мировоззренческой парадигмы «реформирующейся» России. Попытки на-

вязывания паспех сконструированной либерально-демократической идеи показали несостоятельность ее конкуренции с прежней идеологией и искусственность вживления в российскую национальную почву.

Интеллектуальная элита общества, в том числе, передовые ученые, неспособные воспринять деструктивные последствия квазиреформаторства: падение нравственности, мораль потребительства, криминализацию экономики и политики, разрушение отечественной науки и культуры, всплеск социальных противоречий и т. д., стали искать точки соприкосновения с исторически традиционной для России религией — православием, вновь обретающим в оздоровлении и укреплении государства стержневое значение, как с духовной, так и с социальной точки зрения. Постепенно стала парабатываться практика совместных семинаров и конференций (прежде всего в Москве и других крупных городах России) по наиболее животрепещущим проблемам современности, а архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) в 1995 году был причислен к лику святых Православной церкви, что является фактом исключительной важности, т. к. церковь канонизировала не только заслуженного архипастыря, но прежде всего ученого, сумевшего даже в годы советской власти доказать, что именно сотворчество науки и религии способно стать высшим ценностным приоритетом в духовном и нравственном возрождении общества.

Автору, имеющему многолетний опыт взаимодействия как с учеными, так и с представителями Православной церкви, интересен прежде всего подход к этому диалогу со стороны православия, так как преодоление противоречий в поисках истины между деятелями науки и богословами, во многом зависит от позиции Церкви, от ее мудрости и способности к восприятию знания интеллектуального, ибо, как справедливо заметил еще в XIX веке святитель митрополит Филарет Московский (Дроздов): *«Вера Христова не во вражде с истинным знанием, потому что не в союзе с невежеством»*.

В августе 2000 года на юбилейном Архиерейском соборе в Москве были приняты «Основы социальной концепции Русской православной церкви», явившиеся соборным ответом церкви на вызовы нового времени. В документе особое значение уделяется роли научно-технического прогресса и его полифункционального (как конструктивного, так и деструктивного) влияния на процессы, происходящие в России и на планете в целом. «К концу XX века наука и техника достигли столь впечатляющих результатов и

такого влияния на все стороны жизни, что превратились, по существу, в определяющий фактор бытия цивилизации. Вместе с тем, несмотря на изначальное воздействие христианства на становление научной деятельности, развитие науки и техники под влиянием секулярных идеологий породило последствия, которые вызывают серьезные опасения. Экологический и другие кризисы, поражающие современный мир, все с большей силой ставят под сомнение избранный путь. Научно-технический уровень цивилизации ныне таков, что преступные действия небольшой группы людей, в принципе, могут в течение нескольких часов вызвать глобальную катастрофу, в которой безвозвратно погибнут все высшие формы жизни.

С христианской точки зрения, такие последствия возникли в силу ложного принципа, лежащего в основе современного научно-технического развития. Он заключается в априорной установке, что развитие не должно быть ограничено какими-либо моральными, философскими или религиозными требованиями. Однако при подобной «свободе» научно-техническое развитие оказывается во власти человеческих страстей, прежде всего, тщеславия, гордости, жажды наибольшего комфорта, что разрушает духовную гармонию жизни со всеми вытекающими отсюда негативными явлениями. *Поэтому ныне для обеспечения нормальной человеческой жизни как никогда необходимо возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями»,* — подчеркивается в «Основах социальной концепции РПЦ».

«Современные достижения в различных областях, включая физику элементарных частиц, химию, микробиологию, свидетельствуют, что они суть меч обоюдоострый, способный не только принести человеку благо, но и отнять у него жизнь. Евангельские нормы жизни дают возможность воспитания личности, при которой она не смогла бы использовать во зло полученные знания и силы. Посему Церковь и светская наука призваны к сотрудничеству во имя спасения жизни и ее должного устройства. Их взаимодействие способствует созданию здорового творческого климата в духовно-интеллектуальной сфере, тем самым помогая созданию оптимальных условий для развития научных исследований».

В «Основах социальной концепции РПЦ» особо выделены *общественные науки*, по сути, наиболее тесно связанные с областями богословия, церковной истории, канонического права: «Приветствуя труды светских ученых в данной сфере и признавая важность гуманитарных исследований, Церковь в то же время не считает

рациональную картину мира, иногда формируемую этими исследованиями, полной и всеобъемлющей. Религиозное мировоззрение не может быть отвергнуто как источник представлений об истине, а также понимания истории, этики и многих других гуманитарных наук. Только совмещение духовного опыта с научным знанием дает полноту ведения». Церковь выступает против монополизации секулярного миропонимания в сфере общественных исследований и идеологизации науки, за которую народы мира заплатили высокую цену в XX веке. *«Противостоя подмене науки идеологией, Церковь поддерживает особо ответственный диалог с учеными-гуманитариями».*

Среди иерархов РПЦ, сумевших на новом историческом этапе выстроить подлинный, а не декларативный диалог с наукой, пожалуй, наиболее ярко выделяется личность помощника Святейшего Патриарха Алексия II по образованию и катехизации, ректора Российского православного университета, архимандрита Иоанна (Экономцева).

В своем выступлении на международном конгрессе «Экоэтика — XXI век», проходившем в Москве в декабре 2002 года, архимандрит Иоанн дал оценку взаимодействию Православной церкви и науки в свете решения глобальных проблем современности: «Христианство и наука, казалось бы, лежат в различных измерениях, но в жизни людей и общества они неизбежно пересекаются и взаимодействуют. И в этой сфере порой возникают достаточно острые коллизии. Еще в XIX веке люди были убеждены, что научные исследования никогда не смогут обернуться злом. Этот прекрасный сон безвозвратно прошел. Достижения науки нередко используются в антигуманных целях, а научные исследования утрачивают этический горизонт. Вообразив себя властелином природы, человек преобразует ее, ставит над ней эксперименты, нередко не задумываясь или не представляя себе ясно разрушительных последствий подобной деятельности. Перед наукой открываются такие возможности, о которых не дерзали даже помыслить самые смелые фантасты прошлого».

Углубляя мысли, изложенные в «Основах социальной концепции РПЦ» по поводу изменения ценностных ориентиров в обществе перед угрозой глобального экологического кризиса (а экологический вопрос, являющийся «проблемой науки и в большей мере морали, воспитания и законодательства. становится и проблемой Церкви») о. Иоанн Экономцев, останавливаясь на поврежденности отношений «человек — природа», доказывает необходимость духовной переориентации науки в связи с той высочайшей ответ-

ственностью за судьбу всего человечества, которая возложена на *служителей знания* в XXI веке: «Следствием развития науки и техники стала приближающаяся экологическая катастрофа. Рас-
тущее загрязнение окружающей среды, истощение естественных ресурсов планеты, общее обострение глобальных проблем — это то, что беспокоит сегодня всех людей. Идеалы общества потребления, человеческий эгоцентризм, стремление к комфорту и наслаждениям, безудержная погоня за прибылью и вещами завели человечество в тупик. И вряд ли без смены ориентиров в духовной области произойдет решение экологических проблем. Мы убеждены, что ключ к разрешению экологической проблемы — это христианский образ жизни. Церковная традиция воспитывает в людях ответственность не только за ближних, но и за природу. Человек, согласно Священному Писанию, *призван возделывать и хранить мироздание* (Быт. 2: 15).

Мы не должны также забывать, что экономический рост невозможно обеспечить в отдельно взятой стране. Это — глобальная мировая проблема и нам необходимо находить в подходе к ней союзников. Отдаляясь от христианских ценностей, наука становится бездуховной, а ее применение теряет нравственные, гуманистические ориентиры. Это приводит к негативным социальным последствиям, превращая науку из служителя человека в силу, направленную против него.

Провозглашение независимости науки от традиционных христианских ценностей, в конечном итоге, *равнозначно отрицанию* науки. Эту опасность ясно сознают и сами ученые, которые сознательно или инстинктивно тянутся к православию. Зачастую они исповедуют идентичные или чрезвычайно близкие нам взгляды, но выражают их другим языком.

Ученые часто упускают из виду, что богословие — это тоже наука с четко разработанной на протяжении двух тысячелетий терминологией и произвольная замена там установившегося термина тем или иным синонимом не всегда корректна и воспринимается порой как ересь. Вот почему так важен адекватный перевод с языка науки на язык богословия и наоборот. В любом случае со стороны представителей Церкви требуется благожелательная терпимость, готовность понять собеседника и оппонента, и, конечно же, недопустимы резкая отповедь и анафематствование».

Архимандрит Иоанн подчеркнул, что в процессе взаимодействия с наукой сделан реальный шаг, — создание Российского православного университета, задача которого — *синтез религии и науки*, подготовка таких специалистов, которые могли бы содей-

ствовать нахождению единого языка между представителями науки и Церкви, ибо кризисное состояние мира, угрозы глобализации обязывают Церковь дать глубокую оценку по широкому спектру проблем и основных тенденций развития современной России.

И в этом контексте, во имя духовной безопасности страны и роста национального самосознания, религиозно-мировоззренческие вопросы становятся приоритетными.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Троицкое слово, 2001. С. 34–38, 62–65, 98–99, 139.

Экзотика – XXI век // По материалам Междунар. науч. конгресса (23–27 дек. 2002 г.). М.: Чистые воды, 2004, 238–240.

Митрополит Филарет (Дроздов). Собрание мнений и отзывов. М. Т. 5, ч. 1. С. 48.

Пирогов Н. И. Соч. СПб., 1988. Т. 1. С. 175, 182.

Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Даниловский благовестник, 2000. С. 161–164.

Прот. Николай Лаурук. Экклесиология в Апокалипсисе и соборных посланиях Иоанна Богослова. Прешов, 1999. С. 147.

О. Ю. Медведева
г. Екатеринбург

РЕНЕССАНС ПРОСВЕЩЕНИЯ, ИЛИ НОСТАЛЬГИЯ ПО РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Зигзагообразность исторического и духовного развития человечества ошеломляет. Эпоха классического Просвещения с ее панлогизмом, апофеозом рациональности и эйфорией по поводу всемогущества Разума, Науки и Человека и неизбежным в силу этого историческим оптимизмом смешалась эпохой кризиса научной рациональности, постмодернистским безбрежным релятивизмом, культурологизированием вместо строгого философствования и, по большей части, историческим пессимизмом.

Как и следовало ожидать, в силу особенностей «человеческой природы», а также диалектичности мышления, Разум был обвинен во всех тяжких грехах, а наука в значительной степени потеряла гносеологический и моральный авторитет, перестав претендовать на лидерство в духовной жизни общества. Как известно, свято место пусто не бывает, и в общественном сознании с последней четверти прошлого века происходит вполне ощутимый сдвиг в сторону иррационального мироощущения и оккультизма во всевозможных вариантах. Современная культура лишается своих рационально-целевых и ценностных оснований. В результате социо-